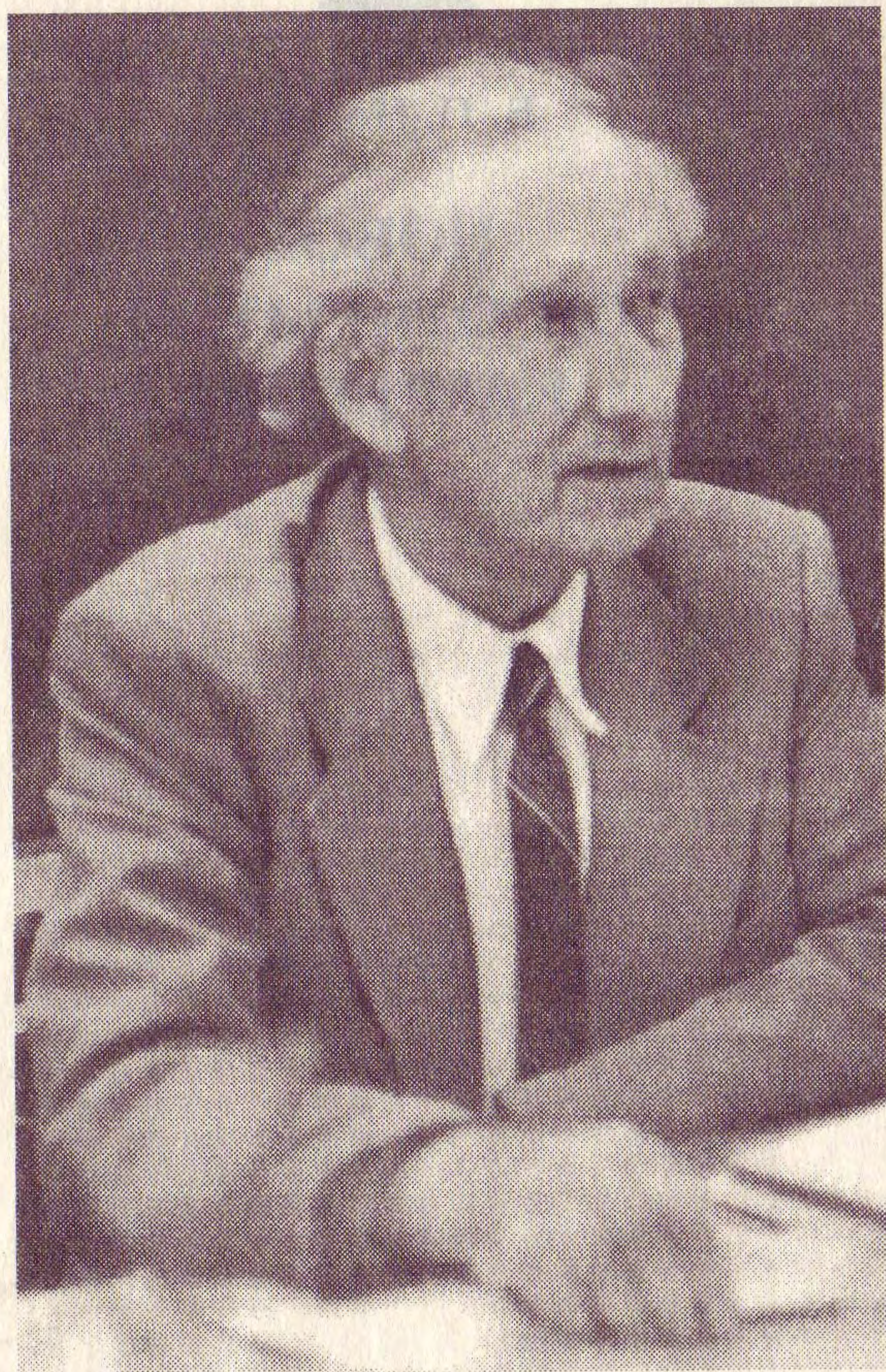

26.89(2Р-4камч)
П49

Б.П. Полевой
НОВОЕ
ОБ ОТКРЫТИИ
КАМЧАТКИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Борис Петрович Полевой

Б. П. Полевой

НОВОЕ ОБ ОТКРЫТИИ КАМЧАТКИ

Часть вторая

Петропавловск-Камчатский
Издательство "Камчатский печатный двор"
1997

Глава восьмая

КАРТЫ КАМЧАТКИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

1. О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ КАРТЕ КАМЧАТКИ РЕМЕЗОВА-АТЛАСОВА

Первая четверть XVIII в. ознаменовалась составлением целой серии географических чертежей, на которых был подробно показан полуостров Камчатка. Именно по этим чертежам можно достаточно ясно проследить как у русских землепроходцев постепенно складывалось представление о всем полуострове Камчатка в начале XVIII в. Однако датировка этих чертежей определялась весьма неточно. Вот один яркий пример. Многих историков русской картографии особо заинтересовала копия так называемого “Чертежа вновь Камчадалской земли”, помещенная в “Служебной чертежной книге” С. У. Ремезова. Этот интереснейший чертеж долгое время датировали 1700 г. (1). К сожалению, исследователи не обращали внимания на одну очень важную подробность: на этом чертеже у восточного берега Камчатки был изображен небольшой островок с надписью: “Сани же розбило”, а на изображении Японии у одного из безымянных морских городов стояла надпись: “Зде(сь) унесло”. Несомненно, эти две надписи относились к трагедии японца “Сани” (или “Санимы”), которого бурей унесло от японского города “Кинокуни” (Вакаямы) и выбросило на восточный берег Камчатки около Шупунского полуострова в апреле 1710 г. вблизи “Калигирской губы” (2). Отсюда ительмены увезли Сани и его товарищей на реку Жупанову, где их в 1711 г. нашли камчатские казаки (3). Вскоре уже на реке Камчатке японцы Санима и Кисити “по-русски говорить дознались малое число” (4). Поэтому очевидно, что заинтересовавший нас чертеж Камчатки никак не мог быть сделан ранее 1711 г. А если учесть, что полуостров Чукотка на этом чертеже изображен “двурогим” — явно по чертежу анадырского казака Петра Попова, который ходил на Чукотку в 1711 г., то станет очевидным, что данный чертеж

Камчатки был сделан не ранее 1712 г. (5), но отнюдь не в 1700 г., как это долго считалось...

В 1964 г. в Москве был издан ценнейший “Атлас географических открытий Сибири и в северо-западной Америке XVII—XVIII в.” под редакцией члена-корреспондента Академии наук СССР А. В. Ефимова. В этом атласе интересующий нас географический чертеж Камчатки дан под № 48. Там же воспроизведены и другие чертежи Камчатки начала XVIII в.

2. ЕЩЕ ОДИН ЧЕРТЕЖ “КАМЧАДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ” (чертеж № 50)

В той же “Служебной чертежной книге” С. У. Ремезова имеется еще одна близкая карта Камчатки, которую стали условно называть “Чертежом похода Козыревского 1713 г.” (6). На ней снова дается Япония в виде странного угольника, но с более значительной нагрузкой. На чертеже имеется около мыса Лопатка надпись: “До сего места доходили служилой Иван Козыревский с 18 человеки и видели острова”. Впервые изображены три Курильских острова, в которых можно узнать Шумшу, Парамушир и Алаид (с 1954 г. — остров Атласова). Несомненно, этот чертеж составлялся не Козыревским, и поэтому название этого чертежа неудачно. В нижней части чертежа Чукотский полуостров опять изображен по чертежу анадырского похода Петра Попова 1711 г.

3. ЕЩЕ ТРИ РАННИХ ЧЕРТЕЖА КАМЧАТКИ

В “Атласе географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке XVII—XVIII вв.” 1964 г. имеется еще три более ранних чертежа Камчатки, которые заслуживают дальнейшего изучения, № 49, 54 и 60.

№ 49 — “Карта Сибири от Енисея до Камчатки включительно (между 1699 и 1715 гг., деталь)” (7), заимствована все из той же “Служебной чертежной книги” С. У. Ремезова и притом опять под названием “Чертеж вновь Камчадалской земли” (8).

Этот чертеж для нас интересен тем, что южнее Авачи и тиниственных рек “Бобровка” и “Березовка” изображена большая земля, простирающаяся на юго-восток и обрезанная рамкой чертежа. Эта подробность показывает, что в тот период еще никто из русских не плавал от Авачинской губы до мыса Ло-

патка. Тут же стоит надпись “Низменная земля”, явно относившаяся к району Лопатки. Но на крайнем юго-восточном поле имеется длинная надпись: “Воды кипящие, ис под земли бьет от ключей река течет в море, а вода ключевая на С (200) верст горяча... в те ключи птица ни варена, что положить — сварится”. Если вспомнить, что зимой 1703—1704 гг. отряд Родиона Преснецова прошел от Авачинской губы вверх реки Авачи, есть все основания считать, что именно тогда русские впервые открыли термальные источники района современной Паратунки. А сам тот чертеж был создан не в 1699—1700 гг., а, очевидно, не ранее 1705 г. и не позже 1707 г.

Явно ошибочное изображение простирающейся от Камчатки на юго-восток земли возродило ложное представление, что тут будто бы могло существовать соединение с... Америкой! Это невольно напоминало возникшее еще во времена Н. Г. Спафария мнение, что Камчатка могла быть соединена с Америкой “каменной переградой”.

Чертеж № 54 назван в “Атласе” “Якутской картой 1710—1711 гг.” (9). Карта эта, несомненно, была более ранней. На ней нет ни изображения Курильских островов, ни Чукотки по чертежу П. Попова 1713 г. Но здесь есть важное упоминание о походе Ивана Васильева Голыгина на Карагинский остров 1702 г. и сведения о курильском остроге на Курильском озере 1704 г. Поэтому этот чертеж мог быть сделан не ранее 1704 г. и не позже 1710 г. Скорее всего, он был сделан в 1704—1706 гг. Но этот вопрос еще следует изучить более детально.

Все чертежи тех лет ясно показывали, что на Камчатку может быть открыт кратчайший морской путь от Охотска к западному побережью полуострова через “голомень” — открытое Охотское море. И не случайно именно тогда возникла идея строительства в Охотске первых морских судов, способных плавать в открытом море, — ранее существовавшие кочи могли плавать лишь “подле берег” (10). Так и началась постройка первого русского судна, способного совершить первое морское плавание из Охотска к западному берегу Камчатки в районе устья Большой реки.

Напомним, как же это произошло на практике.

4. УСТАНОВЛЕНИЕ ПРЯМОЙ МОРСКОЙ СВЯЗИ МЕЖДУ ОХОТСКОМ И КАМЧАТКОЙ

Петр Великий после возникновения российского флота в европейской России был уверен, что рано или поздно и на восточном Тихом океане произойдет то же самое. Он заранее знал, что если в Охотске появятся первые морские корабли, то уже вскоре откроется новый прямой путь связи с Камчаткой, что значительно ускорит освоение русскими всего богатого и необычайно интересного полуострова. Вместе с тем, впервые перед русскими откроется и новая возможность для изучения Тихого океана и, в частности, для решения проблемы, живо интересующей ученых всего мира, — где же находятся ближайшие от Азии берега Америки. Именно поэтому якутскому воеводе Якову Агеевичу Елчину из столицы пришло распоряжение начать в Охотске постройку первого хорошего морского судна. И 3 июля 1714 г. по приказу сибирского воеводы М. П. Гагарина (в последствии казненного за казнокрадство по повелению Петра Великого) якутскому воеводе полковнику Я. А. Елчину было поручено срочно направить в Охотск “мореходцев и плотников для строения морских судов — Якова Невейцина “с товарищи” 7 человек — “для проводывания прямого ходу чрез Ламское же море на Камчадалский Нос”. Позже на этих судах им же “с Камчатки чрез Ламское море тем же путем велено итти в Охотцкой острог” (11). Судно строили плотники Кирилл Плоских и Варфоломей Федоров.

Руководил этим нелегким плаванием 1716 г. Козьма Соколов. Управляли судном “Восток” Никита Тряска, матрос Андрей Буш и Яков Невейцин. Оно было неплохо оснащено: у него, согласно “рописи морского ходу”, был “якорь железной весом 5 пуд, якорь железной весом в 4 пуда, якорь железной весом в три с половиной пуда; 600 аршин на парус холста тонкого; 4 спуска снастей мерою по 110 сажен, спуск 90 сажен, весом 16 пуд 10 фунтов; 2 спуска по 110 сажен весом 4 пуда, на фонари и на компасы 5 фунтов слюды; 4 человекам дано 4 пищали по полтора рубля пищаль, пороху 1 пуд 20 фунтов, свинцу 3 пуда 2 фунта; 8 напарей больших и средних, 9 топоров, 4 долота, 2 пазника, 3 теслы, 5 скобелей, 20 сверл, 4 кляпика, 3 пилы круглые, 28 ведр смолы” (12).

Открытие прямой морской связи между Охотском и средней

части западного побережья Камчатки обеспечивало русским одно очень важное преимущество: теперь им уже не надо было проходить через весьма опасные районы, где коряки так часто убивали русских землепроходцев.

Но, конечно, самое большое преимущество этого пути состояло в том, что отныне путь из Якутска на Камчатку был резко сокращен: теперь уже не надо было совершать трудные переходы на Индигирку и Колыму, на Омолон и Пенжину или еще далее через Анадырь.

5. БОЛЬШОЙ КАМЧАТСКИЙ НАРЯД

Я. А. Елчин после установления прямого плавания из Охотска к центру западного побережья полуострова Камчатки решил, что отныне открывается возможность начать широкое заселение полуострова русскими людьми. Это и породило идею организации так называемого Большого Камчатского наряда, который взял бы на себя по существу заселение всего русского Дальнего Востока — от Колымы и Анадыря на севере и до северных подступов к нижнему Приамурью. Но главное внимание сосредотачивалось на Камчатке. “Наказная память”, подписанная тобольским воеводой Гагариным 19 декабря 1716 г. официально поручила Елчину “исследовать Камчатку с землями чукоч, коряк, юкагир, иных туземцев и завести торговлю с окрестными жителями” (13). Именно тогда была составлена в Сибири новая карта Дальнего Востока (№ 56), на которой Камчатка была изображена снова в виде земли, простирающейся на юго-восток, явно в сторону Америки, и обрезанной рамками чертежа. Тут же стояла странная надпись: “По скаске камчатского казака Ивана Енисейского с товарищи, что в левую сторону пошла великая земля, людна между Теплым и Студеным морями и иноземцы многия им сказывали, что из моря в море через тое землю пролива не знают” (14). Недавно стало известно, что копия этой карты имела в Екатеринбурге даже у В. Н. Татищева (15). Очевидно, что это сообщение Ивана Енисейского явно относится к концу XVII в. Тогда как несколько западнее камчатская Курильская земля и особенно многие Курильские острова были изображены по данным, собранным уже Иваном Козыревским в 1713 г. (16). Сама эта карта вошла в литературу под сомнительным названием: “Карта полковника Я. Елчина”

(17). Ее датировали 1718 или 1719 г. Но она была создана, скорее всего, в 1714—1716 гг., до организации Большого Камчатского наряда.

Для осуществления плана Я. А. Елчина решено было мобилизовать многих дворянских детей из Москвы, Тобольска, Иркутска и других городов для службы в Охотске, Тауйске, Удинском и трех камчатских острогах с целью поиска новых земель, различных руд и других ценностей (18).

Для экспедиции Большого Камчадальского наряда в 1717—1718 гг. была проведена широкая заготовка леса с целью строительства новых судов. Но в 1718 г. Елчин был отозван в Москву и там отдан под суд за соучастие в различных злоупотреблениях, с которыми сурово боролся Петр I. Главой Большого Камчатского наряда был назначен капитан Абыштов, который, однако в 1719 г. умер в Охотске (19). Но к этому времени у Петра I, под влиянием первых сообщений об установлении успешного прямого морского пути между Охотском и Камчаткой, возникла идея организовать новую экспедицию, во главе с геодезистами И. М. Евреиновым и Ф. Ф. Лужиным с более широкими планами — уже ради поиска морского пути от Камчатских берегов к... Америке! Поскольку голландские мореплаватели в 1643 г. решили, что берега Америки находятся у южных Курильских островов и даже готовы были принять Уруп за мыс Америки, Петр I решил начать поиск ближайших берегов Америки у южных Курил. Потому-то Иван Евреинов и Федор Лужин и отправились от Камчатки на юг вдоль Курильских островов (20).

6. ЗНАЧЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ И. М. ЕВРЕИНОВА И Ф. Ф. ЛУЖИНА ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИЗУЧЕНИЯ ПОЛУОСТРОВА КАМЧАТКА

Начнем с главного: впервые на Камчатке начали работать опытные геодезисты, а это привело к началу более или менее точного картографирования Камчатки. И действительно, благодаря этим исследованиям — геодезическим определениям и смогла появиться самая первая карта, на которой полуостров Камчатка был изображен со значительной степенью достоверности (см. в “Атласе” карту № 61).

Прежде всего, впервые на этом чертеже были даны координаты. К сожалению, Евреинов и Лужин не побывали во многих

районах Камчатки и поэтому на этой карте немало различных неточностей. Северный перешеек полуострова дан крупнее, чем он есть на самом деле. Отсутствует Авачинская губа. На западном берегу Камчатки дан несуществующий полуостров. Точнее определено юго-западное направление архипелага Курильских островов.

В моей следующей книге о петровских планах в отношении Америки будет еще дан более подробный анализ содержания этой карты.

7. ЗНАЧЕНИЕ КАРТОГРАФИЧЕСКИХ РАБОТ Ф. И. СТРАЛЕНБЕРГА

Победа Петра I под Полтавой в 1709 г. привела к появлению в Сибири большого числа шведских военнопленных. Одним из них был шведский офицер Табберт, более известный по его позднему имени Страленберг, который сыграл исключительно важную роль в распространении в Западной Европе различных сведений о Камчатке. Тут особую роль сыграло знакомство Ф. И. Табберта с семейством тобольских чертежников-картографов Ремезовых. Именно у Семена Ульяновича Ремезова Филипп Табберт и смог впервые познакомиться с его интереснейшими чертежами “Камчадалской земли”. Сам Табберт характеризовал Ремезова далеко нелесно: “Однако он был так скрытен и недоверчив, что я смог получить у него только разрешение посмотреть эти карты, но и этого было достаточно, чтобы убедиться в том, что он не был географом, а только художником” (21).

Табберт хорошо знал, как в Тобольске весьма подозрительно относились к тем иностранцам, которые занимались составлением географических карт. Возможно, Табберт это писал для того, чтобы Ремезова не обвинили в нежелательных связях с иностранцами. Нам же достоверно известно, что Табберт все-таки смог у Ремезова скопировать ряд новейших русских географических чертежей полуострова Камчатки и позже поделиться этими копиями с исследователем Сибири Д. Г. Мессершмидтом (22). Это были те самые чертежи Камчатки, которые сохранились в бумагах Д. Г. Мессершмидта и позже были описаны академиком Л. С. Бергом (23). Эти же чертежи были в какой-то мере использованы на некоторых голландских чертежах 1725—1727 гг. (24).

У Табберта-Страленберга полуостров Камчатка был изображен по устаревшим русским чертежам второго десятилетия XVIII в. Лишь южная часть полуострова Камчатки с прилегающими островами была им дана явно по голландским картам М. Г. Фриса 1643 г. с произвольным изображением “земли Иезо” (Хоккайдо плюс Кунашир), “Земли Штатов” (Итурупа) и “Земли Компании” (Урупа). Здесь очевидно роковую роль сыграла дезинформация японца Санимы, который полуостров Камчатку спутал с островом “Иезо” (Хоккайдо) и дезориентировал в этом вопросе молодого Г. Ф. Миллера (подробнее: 25).

Теперь уже очевидно, что один из ранних чертежей Ф. И. Табберта оказал влияние и на знаменитую “Карту Камчадалии” нюрнбергского картографа Гомана. История публикации этой карты теперь весьма существенно уточнена (26). Несомненно, само название этой карты связано еще с информацией о Камчатке, полученной С. У. Ремезовым в декабре 1700 г. от В. В. Атласова. Именно с тех пор Ремезов стал часто называть полуостров “Камчадалской землей” или “Камчадалией”. От японца Санимы распространилась версия о том, что на “Камчадали” будто бы живет народ “иедзо” — “дикари”. Поэтому Табберт в Тобольске первым из картографов ошибочно решил, что Камчатку можно также именовать и страной “Иедзо”, как тогда именовали земли, населенные айнами и, в частности, современный остров Хоккайдо. Вот почему во второй половине 20-х гг. XVIII в. Г. Ф. Миллер некоторые сообщения иностранцев об острове Хоккайдо — “Иедзо”, например, сообщение иезуита Д’Анжелиса о стране Иедзо, отнес к... полуострову Камчатка (27)! После ознакомления с сообщениями И. Козыревского Г. Ф. Миллер исправил эту ошибку (28). Но эта ошибка Г. Ф. Миллера нашла свое отражение на некоторых географических картах Ф. И. Страленберга, в том числе и на его карте 1730 г.

Ф. И. Табберт-Страленберг впервые как военнопленный был доставлен в Тобольск 26 августа 1711 г. (29). И уже вскоре задумал заняться составлением карты Сибири (30). Первая его карта Сибири была им потеряна во время пожара в Тобольске в ночь с 12 на 13 мая 1715 г. В 1717 г. Табберт составил в двух экземплярах новую карту Сибири, которую он хотел опубликовать за границей. Но тобольский воевода М. П. Гагарин отобрал у него эту карту и вообще запретил ему заниматься картографией. Правда, Табберту удалось утаить первый экземпляр

этой карты (31). Позже этот экземпляр он переправил в Москву в надежде перепродать ее английским купцам. Но эта сделка не состоялась, и некоторое время его карта хранилась у шведского пастора Роловсена. После его смерти эта карта была куплена купцом Петром Меллером, неоднократно бывавшем в Сибири (32). Меллер показал эту карту царю, она была использована при подготовке заказа картографическому агенту царя И. Б. Гоману на новые карты России, в частности, первой печатной карты русского Дальнего Востока — так называемой “карты Камчадалии”. Долгое время считалось, что эта карта вышла в свет только после смерти Петра Великого в знаменитом атласе Гомана 1725 г. И лишь в середине XX в. выяснилось, что на самом деле “Карта Камчадалии” впервые вышла в свет еще в 1722 г. (33). Табберт, познакомившись с ней, сразу же убедился, что в основу этой карты была положена его карта 1717 г. Уже на этой карте имелась ошибочная надпись: “Камчадалия или земля Иедзо”, которая ввела в заблуждение многих. Внимательный анализ самого изображения на ней “Камчадалии” ясно показывает, что в ее основе были положены сведения, собранные еще до 1717 г.

8. КАМЧАТКА НА ЧЕРТЕЖАХ АФАНАСИЯ ШЕСТАКОВА И ИВАНА КИРИЛОВА 1724 г.

Чертеж Афанасия Шестакова давно уже заинтересовал многих историков русской картографии. Длительное время некоторые его датировали 1726 г. (34). Но тщательное изучение показало, что на самом деле этот чертеж был сделан еще осенью 1724 г., и он был уже использован секретарем сената Иваном Кириловым при спешном составлении для Петра Великого в самом конце декабря 1724 г. карты Дальнего Востока (35).

Вся история картирования полуострова Камчатка в первой четверти XVIII в. особенно ценна тем, что позволяет нагляднее представить, как тогда шел процесс первоосвоения русскими всего полуострова Камчатка. Именно в эти годы русские землепроходцы смогли получить первоначальное представление о всем полуострове Камчатка. Но некоторые подробности стали впервые известны лишь в XX в. Вспомним: открытие Долины гейзеров свершилось лишь в 1941 г. Процесс же закрепления за Россией южной части Камчатки и в частности района Авачинской губы был завершён лишь после восстания ительменов в 1731 гг.

Содержание

Русские первооткрыватели Камчатки

Продолжение

Глава шестая

Плавание Ивана Рубца с Лены на
р. Камчатку (1661—1662 гг.) 6

Глава седьмая

События 1669—1696 гг. 31

Глава восьмая

Новое о камчатском походе Луки
Семенова Мороско (1695—1696 гг) 52

Присоединение Камчатки к России

Глава первая

Жизнь Владимира Атласова (до по-
хода на Камчатку) 68

Глава вторая

Камчатский поход Владимира Атла-
сова 84

Глава третья

Возвращение Атласова в Якутск и
его успех в Москве (1700—1701 гг.)... 94

Глава четвертая

Ангарский эпизод 1701 г. и его по-
следствия 109

Глава пятая

Открытия на Камчатке в 1700—1706 гг. . 122

Глава шестая

Второе пребывание на Камчатке Вла-
димира Атласова 136

Глава седьмая

Последствия убийства Владимира
Атласова 141

Глава восьмая

Карты Камчатки первой четверти
XVIII в. 148

Заключение 157

Примечания 164

Приложение 1 194

Приложение 2 198